

КОНСТАНТИН РАЙКИН: «Я НЕ МОГУ ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ В ТЕАТРЕ ПРИМЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

Сов. молодежь — Иркутск — 1992 — 28 марта.

Его сложно спутать с кем-то другим, но...

Возможно, сложился некий кино-телевизионный стереотип, возможно, слишком быстро все произошло, но я не узнал его дважды: первый раз, когда он спустился в служебный вестибюль и передо мной возник человек, как мне показалось, довольно хрупкого телосложения, несколько ниже среднего роста, весь словно на шарнирах — ходячий нерв, который никак не мог устоять на месте, сосредоточиться, сообразить, есть ли у него «окно» для интервью? Второй раз, уже спустя несколько дней после нашей беседы, в полумраке уютного театрального кафе, когда между его «здоровствуй-те» и моим повисла пауза. Впрочем, снимаю грех с души — узнать его было мудро — костюм, огромный наклеенный нос — только что закончилась репетиция ростановской пьесы «Сирано де Бержерак»...

Впрочем, это только сугубо личные наблюдения, своеобразная прелюдия к беседе с художественным руководителем московского театра «Сатирикон», актером, режиссером Константином Аркадьевичем РАЙКИНЫМ.

«Сатирикон», основанный в 1939 году Аркадием Исааковичем Райкиным, по наследству стал вашим домом, где вы полноправный хозяин, причем один в нескольких лицах. И все-таки, не жаль было расставаться с «Современником», театром, в чьей актерской коман-

де вы были далеко не последним матросом!

— Жалею, не жалею — это так давно произошло... С обывательской точки зрения моя карьера в «Современнике», который я любил и люблю, складывалась вполне благополучно. Как не любить свой первый театр, куда я пришел сразу же после Щукинского училища, театр, где остались не только прекрасные партнеры, духовно мне близкие люди — Галина Борисовна Волчек, Нелова; Марину я вообще считаю великой актрисой и горжусь, что именно мне довелось привести ее в «Современник». Да, я прыгнул с благополучного корабля, но этот прыжок в открытое море — не импульсивный, не истерический. Я вращался в кругу мастеров, я прошел там настоящую актерскую школу, но моя природа — она требовала иного поля деятельности, иной энергосистемы. Я с большим уважением отношусь к Розову, Володину, Рошину, Ветмаа, наконец, но, если откровенно, я обаялся, обаялся бытовой отечественной драматургией, до аллергии, до заворота. Я уже не мог, да и не могу сейчас слышать и видеть в театре примет советской власти. ЖЭК, райком, Союз писателей — все мое человеческое и актерское существо содрогается от этих слов! Я не затворник, я — от мира сега: смотрю телевизор, с большим интересом слежу за прессой — палитика, экономика, они тоже занимают мою жизнь, но кто сказал, что все это предмет искусства? В моем любимом «Современнике» поставили «Шапку» — эту сатирическую комедию Войновича и Горина. Говорят, любопытно, талантливо, не без актерских удач, но вы не заставите меня пойти смотреть этот спектакль — не могу! Лучше в Ленком на «Трубадур и его друзья» — спектакль, который мне интересно увидеть с профес-

сиональной точки зрения. Нет, если уж играть про нашу жизнь, то через лордов, сэров, маркизов, через Настасью Филипповну и Льва Николаевича Мышкина. В иной форме — увольте.

— Значит ли это, что «Сатирикон» — тот самый театр, куда стремилась ваша актерская стихия, театр, исповедующий не только иную принципиальную политику, но и иную форму общения?

— Не стану вас заверять, что мы уже создали театр, лежащий в русле моих устремлений. Стремиться к идеалу — не вредно, достичь — невозможно. Если я почитаю, что достиг, всем нам, извините, крышка. Не могу желать себе и коллективу преждевременной кончины, хотя в моей биографии наступали времена, когда я уже мысленно пел себе заукокойную. Семь лет я ежедневно выходил на сцену — а это триста спектаклей в год, семь лет я не видел свой театр со стороны — играл, занимался вводами, репетициями, а еще кино, телевидение и... наступил нервный срыв. Я едва не бросил все: театр, профессию. Два года назад нам удалось повернуть «реку вспять» — избавиться от актерского и административного балласта, резко поменять репертуар. Знаете, что я считаю самым значительным своим достижением? То, что в наш театр теперь ходят не на Райкина, а потому, что он стал интересен зрителю, неважно, какой спектакль мы играем, кто из актеров занят — у нас ежедневный аншлаг! За границей — а мы побывали во многих странах — забавная реакция на наши спектакли: никто не может определить, что у нас за труппа — драматическая ли, эстрадная, оперная, балетная? Такое недоумение — высшая похвала нашим актерам, в большинстве случаев совсем молодым — если не возрастом, то душой. Хотя и возрастом тоже — я в «Сатири-

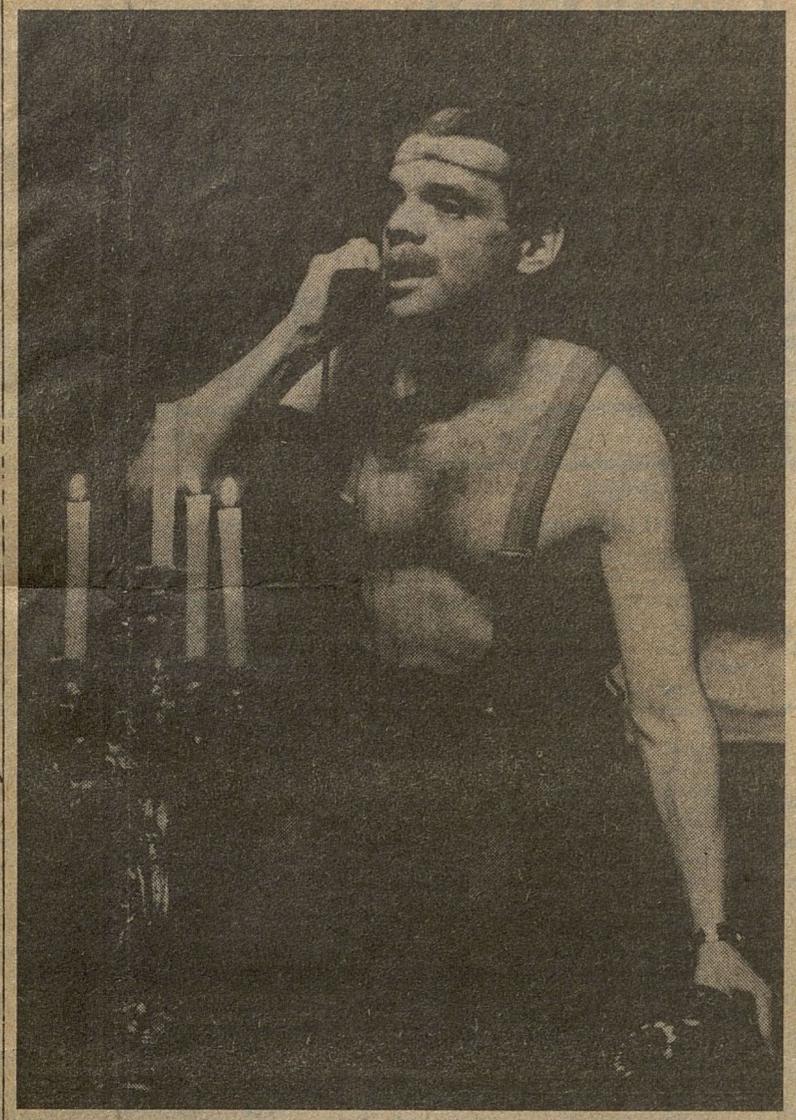
коне» почти самый пожилой. Что до репертуарной политики, программы — она у нас есть, но я не любитель ее декларировать. Пусть критики препарировали наши спектакли, пишут рецензии — а они, как правило, наукообразные, скучные. Такие попытки самовыразиться, да еще как можно заумнее, мне читать неинтересно — независимо, поносят нас или поют панегирик. Думаю, что и зрителя мало волнуют эти трактаты, зрителя, на которого сегодня необходима огромная энергетическая атака: его надо взять за шкуру, дать по башке, да так, чтобы он несколько дней не мог опомниться. Несколько грубо, но, на мой взгляд, именно диалог в такой форме требуется от театра, независимо, что мы играем — «Служанок», «Голого короля» или «Там же, тогда же» — эту совместную постановку с Театром Антона Чехова, но по духу очень нашу — чисто сатирическую. Если вы видели «Багдадский вор», то непременно скажете — пустячок, дивергентная безделушка — это про пьесу, но как красиво, зрелищно сделано, с каким азартом играют актеры! Почему, скажите, такой небольшой глубины произведение, как «Принцесса Турандот» имела гигантский успех? Да потому что умирающий Вахтангов знал, что делал — он поставил этот спектакль в голодные двадцатые, поставил исключительно затем, чтобы подарить людям праздник. Людям и себе! Зрителя не волнует, по какой системе работает актер — вопрос в энергии. Я требую от себя и от коллег: вышел на сцену, температура твоего тела должна быть не менее сорока градусов — иначе ты не актер, иначе смотреть на тебя никто не станет.

— Великий Аркадий Райкин — явление скорее единственное в своем роде, нежели редкое. Но его театр предполагал моно-спектакль, независимо от количества действующих лиц. Мощное райкинское «Я» подавляло партнеров, служивших ему неким антуражем. Иное дело Райкин-младший. Я не знаю, чем выверяете свою гармонию, к какой школе себя причисляете — переживания или представления, — но потрясающее сочетание в вас дара тонкого психологического актера (сужу по той же симоновской телеверсии «Из записок Лопатина») и, скажем, яркой эксцентриады, буффонады в телеспектакле «Труфальдино из Бергамо», меня лично поражает...

— Подобные комплименты я воспринимаю как обиду.

— Отчего же!

— Призвание артиста — удивлять, и в этом нет ничего сверхъестественного. Меня всегда корбит, когда не просто зритель — мои знакомые, и довольно близкие, посмотрев спектакль или

фильм, говорят: "Такого мы от тебя не ожидали!" Наверное, сложилось определенное клише — меня воспринимают как чисто развлекательного артиста, такого рыжего на арене цирка, и думают, что тот же Труфальдино — венец моего творения. Иных так просто удивляет, что я, оказываясь, умею членораздельно разговаривать на сцене. Повторяю, мне это обидно слышать.

Если о папе, то вот говорят: "Геннадий Хазанов продолжил традицию Аркадия Райкина". В каком-то смысле — да. Гена — прекрасный актер в своем жанре, актер-одиночка, папа никогда не считал себя таковым. Ему всегда неприятно было слышать, что его спектакли называли концертами, он вообще мало общался с представителями эстрады, круг его привязанностей был огромен — симфоническая музыка, балет, драматический театр. Он всегда пытался создать ансамбль, но сам того не желая, разрушал его, в этом — его противоречие, можно сказать, драма. А между тем, он был прекрасным и очень чутким партнером: сужу об этом не умозрительно — шесть лет мы проработали вместе.

— Новое время диктует новые формы — формы выживания — всем. Театр в этом отношении не исключение. Жизнь заставила следовать западным образцам и начать дело в ином качестве — я имею в виду начать создавать контрактные театры. «Сатирикон» довольно активно включился в этот эксперимент: позади совместные постановки с Театром Антона Чехова — «Вишневый сад», «Там же, тогда же», впереди — ближайшая премьера «Сирано де Бержерак»...

— При всей любви к моему другу — художественному руководителю Театра Антона Чехова Леониду Трушкину, который совместно с директором Евгением Роговым создал первый в столице театр антрепризы, я скептически

отношусь к такой форме существования — не в принципе, а именно в нашей стране. Чем отличается капитализм от социализма? Представлением о человеке. На Западе достаточно трезво смотрят на homo sapiens, понимают, что человек по природе своей себялюбив, леноват, эгоистичен, не совсем честен, и строят всю систему взаимоотношений так, что человеку просто не выгодно мнить эти пороки. Образно говоря, наше общество — не знаю, как уж теперь его назвать — по-прежнему рассчитанно на Дон-Кихота, на Западе — на Санчо Пансу. К чему такая пресамбула?

Если актер на Западе заключает контракт — а это огромный шаг «талмуд», где учтены все нюансы — то он никогда его не нарушит. В ином случае ему придется заплатить такой штраф, что ему вовек не расплатиться. Там все подкреплено законом, у нас же — полная анархия, а рассчитывать на порядочность в нашей среде — это значит быть совершенно наивным человеком. Я так говорю об этом, потому что знаю, что такое актерская семья, семья, которую я обожаю, но сколько в ней предательства, необъективности, импульсивности. Актер чрезвычайно великодушен и полон сострадания к своему коллеге-неудачнику. Но вот успеха не прошедший театр — это как замерзший пруд с чистой прозрачной водой — здесь видно всех и каждого насквозь, театр — это, собственно, слепок всей нашей бренной жизни, только во сто крат увеличенной...

Беседовал Николай
ЕВТЮХОВ.
Москва — Иркутск.

На снимках: фрагменты из трагифарса Бернарда Шейда «Там же, тогда же». Джорж — Константин Райкин, Дорис — Татьяна Васильева.

Фото Татьяны
КУЗЬМИНОЙ.

